

К 170-летию восстания декабристов

© 1995 г. М. А. РАХМАТУЛЛИН*

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I И СЕМЬИ ДЕКАБРИСТОВ

Образ российского самодержца Николая I, сложившийся в советской историографии, сугубо однозначен: запятнавший себя расправой с декабристами, едва ли не намеренно попустительствовавший травле и спровоцировавший гибель двух российских гениев — А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, он снискал себе прозвища «кровавый», «палач», «Николай Палкин». Один из крупнейших специалистов по политической истории XIX в. — А. Е. Пресняков, отличавшийся наиболее спокойными оценками, так писал о тринадцатом монархе династии Романовых: «Во главе русского государства стоит цельная фигура Николая I, цельная в своем мировоззрении, в своем выдержанном, последовательном поведении. Нет сложности в этом мировоззрении, нет колебаний в этой прямолинейности. Все сведено к немногим основным представлениям о власти и государстве, об их назначении и задачах, к представлениям, которые казались простыми и отчетливыми, как параграфы воинского устава, а скреплены были идеей долга, понятой в духе воинской дисциплины, как выполнение принятого извне обязательства»¹. Подобные оценки, конечно же, восходят к А. И. Герцену, который охарактеризовал личность и деяния так нелюбимого им царя Николая I с присущим ему литературным блеском и тонкой язвительностью. Герцен не мог простить царю его более чем пристрастное участие в следствии над декабристами и суровый приговор, особенно казнь пятерых из них, несмотря на то, что все ждали от него помилования. В светских кругах хорошо были слышаны о недостойном государя мелочно-придирчивом отношении даже к самым ничтожным деталям следствия², о грубом его поведении во время личных допросов³, а также о ловко разыгранной им по ходу следствия роли великодушного монарха, что подкупило многих декабристов, и в порыве откровенности и искреннего раскаяния они решились на признания, усугубившие не только их собственную участь, но и участь других членов тайных обществ⁴.

В литературе прочно утвердилось мнение о том, что Николай I «на всю жизнь остался тюремщиком декабристов: следил за каждым их движением в далекой ссылке, получал донесения о подробностях их быта, решал лично — и всегда сурово — вопросы, касавшиеся судьбы их самих и их семей»⁵. Так, опасаясь общественного осуждения, он не мог открыто запретить женам декабристов исполнить свой нравственный долг — отправиться вслед за мужьями в Сибирь⁶, но (правда, не без влияния тайных просьб родственников некоторых декабристов) санкционировал принятие постановления «О недозволении отправляться к ним (к декабристам. — М. Р.) в Сибирь детям их благородного звания, родственникам и другим лицам». По постановлению того же «карманного» Комитета министров, воссоединившиеся с мужьями-каторжанами жены практически не имели надежд когда-либо вновь свидеться с оставленными ими детьми и родителями: решившись отправиться в Сибирь, они должны были находиться там до смерти мужа, а, возможно, и своей собственной, ибо власти отнюдь не давали надежды на возвращение в родные края⁷. К тому же, добровольно отправившиеся в Сибирь жены декабристов были лишены всех имущественных и наследственных прав;

* **Рахматуллин Морган Абдуллоевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

независимо от личного и фамильного достатка они были ограничены (по крайней мере, в первые годы) минимальными, буквально нищенскими суммами на прожитие и обязаны были отчитываться в своих расходах перед местными властями ежемесячно...⁸ И только в 1856 г., декабристам и оставшимся в живых восьми (из одиннадцати) их женам было разрешено покинуть Сибирь.

Все это достаточно хорошо освещено в литературе. Но имеются и другие факты, не вписывающиеся в этот ряд. Речь идет о мерах, предпринятых по инициативе Николая I с целью облегчить материальное положение семей декабристов. Осуществлялись они в строго секретном порядке. Ни слова об этом нет в записках и мемуарах декабристов. И, что совсем странно, упоминания о них отсутствуют и в наиболее полной и сладкоречивой биографии Николая I, принадлежащей перу Н. К. Шильдера⁹. Между тем эти факты отражены в документах хорошо известных и в достаточной степени изученных фондов РГВИА. Очевидно, они настолько не укладывались в рамки устоявшегося представления о Николае I, что историки советского времени предпочли вообще умолчать о них. Документы эти были выявлены автором в начале 70-х гг. с неясной тогда надеждой на возможность их опубликования в будущем.

Именно эти материалы и легли в основу предлагаемой читателю статьи.

* * *

В вышедшей в 1926 г. пятнадцатой книге исторического журнала «Красный архив» известным декабристоведом С. Н. Черновым была опубликована «Записка о состоянии и домашних обстоятельствах ближайших родных государственных преступников, по приговорам Верховного уголовного суда осужденных»¹⁰ и отдельные сведения из других документов, дополняющие ее содержание. Публикация дает достаточно полное представление об имущественном положении декабристов и их семей. Ценность «Записки» несомненна: она, например, послужила одним из основных источников для характеристики состава родственников осужденных декабристов и их материального положения при новом издании «Алфавита декабристов»¹¹.

Трудно сказать, что заставило Николая I уже 29 июля 1826 г., т. е. спустя чуть более двух недель после казни пятерых декабристов, распорядиться собрать сведения, содержащие «в возможной подробности положение и домашние обстоятельства ближайших родных» осужденных по делу 14 декабря. Осознание суровости приговора, христианское раскаяние в содеянном, просто человеческое сострадание или дальний политический расчет? Хотя для последнего предположения и нет прямых документальных данных, оно не беспочвенно, если вспомнить об известном высказывании Николая I, сделанном под впечатлением первых допросов декабристов, проводившихся в его присутствии: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божию милостью, я буду императором»¹². Вместе с тем он и подумать не мог, что спустя сорок лет (1866 г.) разговоры членов тайных обществ о цареубийстве кто-то попытается реализовать (этим «кто-то» стал ишутинец Дмитрий Каракозов в неудавшемся покушении на его сына — царя Александра II).

Как бы там ни было, но соответствующие запросы в строго секретном порядке были разосланы генерал-губернаторам и гражданским губернаторам тех губерний, в которых проживали сами декабристы или их ближайшие родственники¹³. Вскоре поступили первые сведения. Но, поскольку круг запрашиваемых данных не был четко определен, донесения сильно разнились по своему содержанию. Если одни должностные лица «постарались дать очень обстоятельные, полные и, по-видимому, относительно хорошо выверенные сведения, другие ограничились довольно простыми канцелярско-полицейскими справками»¹⁴. В целом сбор данных об имущественном положении семей декабристов оказался делом не простым, а

необходимость сохранения в глубокой тайне предпринимавшихся в этой связи действий еще более затрудняла и затягивала его. Отсюда — неоднократные настоячивые требования начальника Главного штаба И. И. Дибича ускорить присылку требуемых императором сведений. Военный министр А. И. Татищев, на которого как на бывшего председателя Следственного комитета и *была* возложена ответственность за сбор этой информации, торопится и в ноябре 1826 г. представляет наспех составленное на основе разрозненных и далеко не полных данных «общее сведение». В итоге — истребование дополнительных справок с мест, и только 20 августа 1827 г., т. е. спустя год с лишним после «высочайшего повеления», Татищев отсылает в Главный штаб относительно полноценную справку.

Вот эта-то «Записка», включающая в себя сведения об имущественном положении семей 121 декабриста, и была опубликована С. Н. Черновым по писарской копии (отпуску), сохранившейся в фонде Следственного комитета и Верховного уголовного суда над декабристами¹⁵. Подлинник же «Записки» за личной подписью Татищева, хранящийся в фонде Канцелярии начальника Главного штаба в составе дела под несколько расширенным названием «О положении и домашних обстоятельствах ближайших родных всех преступников, осужденных Верховным уголовным судом и о вспомоществовании тем из них, которые бедного состояния» (начато 29 июня 1826 г.— окончено 25 апреля 1832 г.), остался неизвестен ни публикатору «Записки», ни подготовившему издание указанного выше «Биографического справочника» С. В. Мироненко.

Между тем дело это содержит много любопытных фактов о действиях и Николая I, и ряда близких родственников декабристов после суда над ними. Прежде всего эти материалы дают ответ на вопрос о первоначальных мотивах поступка императора, распорядившегося начать сбор сведений об имущественном положении семей декабристов. Это — реакция на поступающие от родственников декабристов прошения об оказании им материальной помощи ввиду их бедственного положения в результате потери единственных кормильцев.

13 сентября 1827 г. Дибич затребовал полученные от Татищева сведения о родственниках «государственных преступников» (л. 156). Дежурный генерал А. И. Потапов, к которому поступила «Записка», счел нужным детальнее с ней ознакомиться перед представлением императору, и лишь 19 сентября он уведомляет Дибича, что «по внимательном рассмотрении их (сведений.— *М. Р.*), сделав о состоянии ближайших родных каждого краткие выписки, разделил я их на шесть разрядов, поместив: В первый — имеющих нужду во вспомоществовании, в числе коих некоторые сами об оном просят. Во второй — не имеющих нужды во вспомоществовании, но в содействии по некоторым домашним обстоятельствам, в числе коих некоторые сами об оном просят. В третий — с состоянием богатым и хорошим. В четвертый — с состоянием посредственным. В пятой — живущих бедно. В шестой — таких, о родных коих вовсе не получены сведения или получены, но неверные». Далее он делает весьма ценное пояснение: «При составлении выписок я имел в соображении и все те просьбы, кои до сих пор поступили в Главный штаб. и. в. от родственников преступников, через что пополнились и прояснились некоторые сведения, военным министром доставленные» (л. 159—160). Вот эти-то разделенные на «разряды» списки семей декабристов и были представлены для ознакомления Николаю I, оставившему против фамилий некоторых из них свои карандашные пометы и указания.

Прежде чем приступить к их рассмотрению, несколько слов о численном составе этих шести «разрядов».

В «третьем разряде», не удостоенном особого внимания императора, содержится пофамильный перечень 52 лиц «с состоянием богатым и хорошим» (л. 161—164 об.). Причем сведения о состоянии и положении их семей предельно сокращены по сравнению с татищевской «Запиской» и сведены буквально к одной-двум фразам. «Четвертый разряд» «с состоянием посредственным» включает

22 фамилии; он тоже не вызвал интереса у царя. Поясняющая информация здесь также сведена к минимуму.

В «шестой разряд» (л. 167—168) Потапов включил: Ф. Б. Вольфа, Н. А. Загорецкого и А. И. Шахирева¹⁶, о родственниках которых на тот момент не было получено сведений; В. И. Враницкого — у него не оказалось родственников в России, «из бывших же при нем бумаг видно, что таковые у него есть в Праге» (что впоследствии и подтвердилось); И. Ф. Фохта, «родственников и имения у которого не оказалось». Сюда же были занесены П. Ф. Громницкий (Громнитский), Н. О. Мозгалевский, А. З. Муравьев и Н. Н. Оржицкий — в сведениях об их родных были большие неясности (впоследствии данные были уточнены).

«Первый разряд» (л. 169—172 об.) содержит фамилии 28 декабристов, семьи которых «имели нужду во вспомоществовании». Стоит отметить, что в потаповском списке сведения об их положении по сравнению с татищевской «Запиской» иногда дополнены новыми, вызывающими сочувствие обстоятельствами, что, несомненно, делает честь его составителю¹⁷. Приведем характеристики положения тех семей, по которым есть соответствующие резолюции Николая I.

А. П. Барятинский: «Мать его, титулярная советница княгиня Анна Барятинская имеет двух дочерей. Она приносила жалобу, что дочери сии, получив после осужденного брата по закону 100 душ, бросили ее без всякой помощи <... > живут в Москве, а она здесь, в Петербурге, в беднейшем положении, почему и просила в пенсией жалование покойного своего мужа» (л. 169). На полях против этих строк имеется канцелярская помета: «Министру юстиции 21 октября № 1315», смысл которой прояснится далее.

А. К. Бертель: «Имеет жену и шесть маленьких детей, в совершенной бедности и болезненном положении живущую помощью добрых людей; сверх того от одной умершей родной сестры осталось пять человек детей в крайней бедности». Собственноручная резолюция Николая I: «*Сыновей распределить по корпусам (кадетским.— М. Р.), а матери дать единовременно*» (л. 169 об.).

В. А. Бечаснов: «Мать его, вдова 8 класса, с дочерью, лишенной ума, живут в Кременчуге в крайней бедности, пользуясь пристанищем и пропитанием в чужих домах. В 1825 г. всемилостивейше пожаловано ей в уважение бедного состояния в единовременное пособие 600 руб.; она имеет другого сына в службе портупей-поручиком». Резолюция царя: «*Дать единовременно 600 руб.*» (л. 170). На полях помета: «Министру императорского двора 23 октября № 1317».

Братья А. И. и П. И. Борисовы: «Отец их, отставной 8 класса, 68 лет, имеет больную жену, двух дочерей и одного сына, без всякого состояния в самом бедном положении, поддерживается одним получаемым им пенсионом в 200 руб. в год. Он в сем году утруждал г.и. просьбою о помощи». Резолюция царя: «*Дать 400 руб.*»¹⁸ (л. 170). На полях — помета, аналогичная той, что по Бечаснову.

В. А. Дивов: «Имеет мать, вдову преклонных лет (ей около 50 лет.— М. Р.), без всякого состояния, питающуюся трудами своими и благодеяниями добрых людей». Под текстом — вопрос царя: «*узнать нужно ли что?*» (л. 170) и на полях — помета об отправленном нижегородскому, казанскому, симбирскому и пензенскому генерал-губернатору А. Н. Бахметеву (Бахметьеву) 21 октября запросе.

И. И. Иванов: «Мать его 60 лет, быв вторично замужем за унтер-офицером Кормашуковым, имеет двух дочерей, одна, девица — при ней, в беднейшем положении, живут трудами рук своих, а с потерей сына лишились они и той помощи, которую получали от него на старости». На этот раз резолюция царя не очень внятная: «*Помочь можно*» (л. 170 об.).

Братья В. К. и М. К. Кюхельбекеры: «Мать их, вдова, статская советница, преклонных лет, с дочерью девицей, не имеет ничего кроме получаемых от г.и. Марии Федоровны пенсиону по 1100 руб. в год. Живет в доме другой, замужней своей дочери, имеющей состояние, но и шесть человек детей; в случае смерти сей

* Резолюции Николая I воспроизводятся с сохранением всех особенностей орфографии и пунктуации.

замужней дочери, сестра ее, девица, с матерю останутся вовсе без пропитания. Девица Кюхельбекер была в Екатерининском институте 6 лет классною дамою и оставила сие звание, чтобы быть при дряхлой и слабой матери». Резолюция царя: «я семью знаю помочь можно если вдова Глинкина не в живых» (л. 171). На полях — помета: «генерал-губернатору Хованскому 21 октября № 1303».

А. О. Корнилович: «Мать его, вдова, 50 лет, имеет одного сына на службе и трех дочерей, в числе коих одна девица; состояние весьма недостаточное, но быв еще в силах, хозяйственными распоряжениями и трудами содержала себя, а ныне по расстроенному здоровью не в состоянии обеспечить содержание свое с дочерью и ей угрожает бедность». «Можно помочь», — пометает Николай I (л. 171).

Н. Ф. Лисовский: «Мать его, вдова, коллежская регистраторша, имеет еще сына на службе унтер-офицером и дочь девицу. В крайне бедном положении, живут трудами рук своих и пользовались пособием сына, с потерю же его бедность их еще увеличилась, о чем она объясняла в поданном в 1826 г. на высочайшее имя прошении». Вновь резолюция: «Помочь можно» (я. 171 об.).

А. С. Пестов: «Отец его, коллежский советник, с многочисленным семейством в крайних обстоятельствах, имеет более 60 тыс. руб. долгов, на удовлетворение которых описывается к публичной продаже его имение, состоящее из 200 душ крестьян». — «Помочь можно после» (л. 172).

В. К. Тизенгаузен: «Отец его, отставной титулярный советник, находится в бедном положении, преклонных лет и слаб здоровьем, и у него еще четыре сына, от коих со дня отдачи в Кадетский корпус не имеет уведомления, а по собранным сведениям, они все на службе. Жена преступника Тизенгаузена имеет двух малолетних сыновей и дочь, в крайнем положении. В сем году утруждала г.и. о назначении ей ежегодного содержания на воспитание детей до узаконенного возраста, а потом о принятии их в казенные заведения»¹⁹. Николай I поставил большой знак вопроса. Рядом написано, по всей вероятности, рукой Дибича: «высочайше повелено, как про Янтальцову сказано» (л. 172 об.).

В. И. Штейнгейль: «Жена его и девять человек детей в расстроенном положении, а теща, действительная статская советница Вонифатьева, в крайней бедности»²⁰. Резолюция царя: «сыновей в кадеты» (л. 172 об.).

Итак, относительно 14-ти из 28 включенных в «первый разряд» декабристов Николай I сделал какие-либо распоряжения²¹.

Из четырех лиц «второго разряда» внимание императора остановилось на двух²².

А. П. Арбузов: «Имеет родного брата и двух сестер с достаточным имением. Примечание. Имение сие находится в неправильной тяжбе с незаконнорожденным сыном покойного родного дяди их, майора Завьялова, титулярным советником Завьяловым, завладевшим сим родовым имением, каковая тяжба продолжается без всякого успеха с 1805 г. и вовлекла их в значительные издержки. Ноне дело находится в Новгородской палате Гражданского суда *». Текст, заключенный между звездочками, отмечен скобкой на полях и знаком NB, а резолюция царя гласит: «приказать не медля кончить» (л. 173 об.). На полях же — карандашная помета: «министру юстиции 21 октября № 1316». Тональность указания самодержца и известное всем внешнее неприятие им внебрачных отношений не оставляют сомнений, в чью пользу было решено столь затянувшееся дело.

Д. А. Щепин-Ростовский: «Мать его, вдова, капитанша, княгиня Ольга, состояния посредственного и обременена долгами. Примечание. Означенная княгиня утруждала уже неоднократно г.и. просьбами о приказании предоставить ей во владение оставшееся после сына преступника имение, ибо некоторые однофамильцы несправедливо домогаются доказать право на наследство онаго, о чем началось уже дело». На полях рукой Николая I написано: «поручить решить М. П.»²³ и карандашная помета: «министру юстиции 21 октября № 1311».

Среди шести лиц «пятого разряда» Николай I тоже отметил двоих²⁴.

К. П. Торсон: «Мать его в бедном положении». Резолюция царя: «кажется я

ей дал уже» (л. 175) и все та же канцелярская помета на полях: «санкт-петербургскому военному генерал-губернатору 21 октября № 1305».

А. В. Янтальцев (Ентальцев): «Мать его, вдова, подполковница, и жена бедного состояния». Резолюция царя: «можно давать не в виде пенсиона а просто ежегодно в виде вспомошествования» (л. 175об.).

Распоряжения царя имеются, но Потапов, на которого была возложена практическая реализация царских указаний, просит своего непосредственного начальника Дибича разъяснить, в чем именно должно заключаться единовременное вспомошествование семьям Берстеля, Корниловича, Ентальцева, Тизенгаузена, Иванова, Лисовского, Пестова. В своем ответе Дибич, вне всякого сомнения со слов самого Николая I, дал точные размеры назначенных сумм помощи: первым четверым по 500 руб., следующим двоим — по 200 руб., а Пестову — ничего (л. 177—178). Эти деньги в сумме 2400 руб. были получены из Кабинета е.и.в. и без задержки отправлены для вручения адресатам по месту их жительства (л. 215)²⁵. Причем Потапов в каждом случае строго следит за доставкой их по назначению, ибо имеет распоряжение начальника Главного штаба: «о ежегодном вспомошествовании родственникам государственных преступников Берстеля, Корниловича, Янтальцева и Тизенгаузена иметь в виду и мне ежегодно докладывать» (л. 176).

Сопоставление данных о материальном и семейном положении получивших вспомошествование и тех, кому было в нем отказано, показывает, что положительная резолюция царя, как правило, следовала при твердой уверенности его в необходимости оказания помощи, а также при наличии личного прошения лица, ее добивавшегося. В случаях же сомнительных оставлялись без внимания даже самые жалостливые обращения. Так, например, жена коллежского советника В. С. Абрамова в своем прошении на имя Николая I от 18 августа 1826 г. (доложено 20 августа) писала, что «приговором суда, состоявшегося в 13 день июля с.г., лишилась она сына, бывшего командиром Казанского пехотного полка, а с ним вместе и способов к содержанию всего семейства; муж ее, служащий советником в Академии наук, через таковую потерю пришел в совершенное изнеможение сил, других два сына, состоя на службе: один майором в Вятском полку, а другой подпоручиком в Учебном саперном батальоне, не имеют средств к поддержанию ее с тремя дочерьми, коих не только пристроить в замужество, но даже к безбедному содержанию не имеет возможности». Просила о пожаловании ей с дочерьми пенсиона независимо от получаемого мужем жалования (л. 18—19). Прощение ее по указанию Дибича было приобщено к другим подобным просьбам, оставленным без внимания.

Удовлетворительное решение было принято по двум прошением матери А. П. Барятинского: письмо просительницы, направленное Потаповым по указанию царя министру юстиции, при всех прочих равных условиях уже давало огромное преимущество при рассмотрении дела.

Первый раз княгиня обратилась к Дибичу в декабре 1826 г. с просьбой о помощи в связи с тем, что находится «в такой крайности, что не имею способов заплатить за одну комнату и нуждаюсь в дневном пропитании» (л. 12 об.). На запрос Потапова петербургский обер-полицмейстер сообщает, что «проживающая в Московской части I квартала в доме под № 69 титулярная советница княгиня Анна Барятинская находится в бедном положении и состояния никакого не имеет» (л. 15). Не дождавшись ответа на первое послание, в феврале 1827 г. Барятинская подает новое прошение Дибичу: «...в другой раз осмеливаюсь просить, войдите в мое плачевное положение <...> не имею верных способов на дневную пищу, ибо дряхлая старость при болезненном состоянии и потери сына, который поддерживал жизнь бедной матери, истощили мое существо, и я к нещастию с образованными способностями не могу даже принять никакой должности в домах частных <...>. Я совершенно нищая и еще того хуже: ибо ходить и просить милостыню не в силах, на помощь от детей надеяться не могу, имение нещастного сына во время болезни моей по закону отдано дочерям моим, которые меня больную оставили, ничем не помогают и даже ответов на письма мои не

имею, живут в Москве, одна из них без моего ведома вышла замуж, а другая предалась своей воле и совершенно растерзали душу матери» (л. 16). Бярятинская просила «исходатайствовать» жалование мужа в пенсион — «не по праву, но по состраданию и сверх того хотя маленькое на первый случай пособие для заплаты небольших долгов и чтобы я могла в настоящей болезни иметь по крайней мере необходимое» (л. 16 об.). На письме — резолюция Дибича: «Его превосходительству А. Н. Потапову». Отсутствие в деле других прошений от Бярятинской позволяет думать, что прошение было удовлетворено.

Известны подробности претензий и матери Д. А. Щепина-Ростовского, проживавшей в Ростовском уезде Ярославской губ. В марте 1826 г. она обратилась с просьбой к ярославскому гражданскому губернатору об оказании содействия в ее бедственном положении и «доведении об этом до сведения е.и.в.» Особо не уповая на поддержку губернатора, она перед коронацией Николая I (в августе 1826 г.) лично просила его «предоставить ей имение, оставшееся после осуждения сына ее» и оградить от притязаний на него со стороны однофамильцев, пытавшихся доказать свои права на наследство. Она указывала, что «все собственное ее имение в залоге в казне и сверх этого имеет на себе частного долга до 12 тыс. руб.» (л. 26—26 об.). В июне 1827 г. она обращается с прошением и к А. И. Татищеву все с той же просьбой оградить ее права от притязаний «ложных наследников» на имение сына. Такая настойчивость ее находит объяснение в признании военному министру: «Хотя к имению сына моего,— пишет она,— вовсе нет ближайших наследников, но *страшусь судопроизводства* (курсив мой.— М. Р.)»²⁶. Наконец, в августе 1827 г. Потапов просит ярославского губернатора, «сколь возможно поспешнее отобрать от Щепиной-Ростовской сведение, что именно она желает чтоб г.и. ей пожаловал» (л. 29). «Поспешнее» это сделать, видимо, не удалось, и только 8 октября от княгини была взята соответствующая записка по ее делу на имя Дибича. «...По расстроенному положению весьма малого имения своего и по совершенному сиротству»,— объясняла она, во всех предыдущих своих прошениях просила «об отдаче ей во владение имение сына ее, вовсе не имеющего наследников». Ныне же торопиться с решением дела вынуждает появившееся в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 27 сентября 1827 г. извещение о назначении на декабрь месяц торгов «для продажи принадлежавшей сыну ее части имения, состоящего в Ярославской губ. и уезде в д. Рамень» (л. 32—33). В связи с этим она просила отложить торги до решения дела в суде, что и было, видимо, сделано. Судя по справке, подготовленной Дибичем в январе 1828 г., по делу об отдаче Щепиной-Ростовской оставшегося после сына имения со 140 душами, «Комитет министров положил дело о праве наследства предоставить законному его течению и решить оно немедленно, но как г.и. благоугодно было обратить внимание на положение княгини Щепиной-Ростовской, то оказание ей какого-либо денежного пособия предать на высочайшее благоволение. Соображаясь с существующими примерами,— продолжает Дибич,— не благо-угодно ли будет е.и.в. определить *негласное* ежегодное пособие княгине Щепиной-Ростовской, соразмерное жалованью, которое получал сын ее, быв штабс-капитаном старой гвардии, т. е. по 780 руб. в год, как сим пользуются жены государственных преступников Берстеля, Тизенгаузена и Штейнгейля, каждая по 500 руб.» (л. 260). В конце января начальник Главного штаба приказал «прилагаемые 500 руб. отослать вдове капитанше княгине Щепиной-Ростовской», а о «доставлении ей на будущее время ежегодного подобного пособия на основании высочайшего соизволения <...> сделать надлежащее распоряжение»²⁷.

В ряде случаев неясны мотивы, которыми руководствовался Николай I при определении вида помощи,— единовременной или ежегодной, а также ее суммы. К примеру, укажем на поданное в сентябре 1826 г. через Дибича прошение на имя государя матери Н. Ф. Лисовского, Евдокии Федоровны. К прошению было приложено свидетельство из Кременчугской городской полиции, удостоверяющее, что Лисовская, «оставшись по смерти мужа ее во вдовстве, находится в таковой бедности, что, скитаясь по чужим домам, питается с нуждою от сострадательных

лиц подаением <...> Полиции совершенно ведомо, что просительница Лисовская, при всем честном ее поведении, есть весьма жалостного от бедности ее положения» (л. 55). Но царь почему-то ограничился выделением ей лишь 200 руб. одновременно.

Нередко причиной неудовлетворения просьбы были сомнения в обоснованности обращения за помощью. Думается, потому было отказано, например, отцу подпоручика Н. П. Кожевникова, осужденного по X разряду. В своем прошении «провиантский» чиновник 7-го класса Павел Кожевников писал: «При 60-летней моей старости имею я <...> еще трех взрослых детей: служащего прапорщиком л.-гв. в Измайловском полку и находящегося ныне в школе гвардейских прапорщиков и двух взрослых дочерей — девиц без матери, без состояния <...> кои призрены по сиротству родственниками и живут у них <...> Имею я по наследству от родителей моих Псковской губ. в Новоржевском уезде сельце Гришине около 70 душ ревизских да в Петербурге <...> деревянный ветхий дом, на шести сажнях состоящий, который не оплачивает даже квартиры за 400 руб. в год, мною нанимаемой. За сим более нигде и никакого имущества не имею. Сие мое достояние никак не могло удовлетворить необходимым семейным нуждам нашим <...> на содержание мое с дочерьми, а более на вспомоществование сыновьям моим по службе, то по самой сущей необходимости ввергнулись в отяготительный для нас долг до 14 тыс. руб., который по неимению средств к заплате приводит семейство в совершенное изнеможение» (л. 37—37 об.). Ответа не последовало (вероятно, и Николай I, и Дибич хорошо представляли возможности «провиантских» чиновников, да и 70 душ крепостных давали какой-то доход).

При рассмотрении некоторых прошений иногда прибегали к дополнительным разысканиям. Так, например, в июне 1826 г. Дибич распорядился доставить сведения «о положении, образе жизни и семействе» матери А. О. Корниловича. На этот запрос подольский гражданский губернатор сообщал, что вдова Корнилович, 50 лет, имеет пятерых детей, из которых один «государственный преступник», а другой находится на службе по квартирмейстерской части ²⁸, три дочери (две замужние, одна, девица, при ней). Ее «состояние заключается в доме, состоящем в г. Могилеве, из коего уплачено государственной подати за 10 душ дворовых людей ее. Сверх того она имеет в общем владении своем небольшую часть имения Ушицкого уезда в с. Борсуковцах за сумму, позаимствованную помещиком Тршцецким у ее покойного мужа, где она и живет. Будучи 15 лет вдовою, она неуспынными трудами по хозяйству доставила воспитываемым детям образа жизни и поведения во всех отношениях столь отличного, что приобрела общую репутацию редкой хозяйки, примерной матери и лучшей христианки, но от трудов ее здоровье так ослабло, что уже не в состоянии далее сама обеспечивать своего с дочерьми содержания» (л. 43—43 об.). Резолюция царя приведена выше.

В соответствии с указанием Дибича Потапов 21 октября 1827 г. направил запрос казанскому генерал-губернатору А. Н. Бахметеву с целью выяснить нужду проживавшей в Казани матери В. А. Дивова. В своем ответе генерал-губернатор сообщал, что Дивова нуждается в пособии и приложил «подписку», взятую от нее: «Я, нижеподписавшаяся вдова, коллежская асессорша Аграфена Борисова, по мужу Дивова, на вопрос казанского гражданского губернатора о объяснении нужд моих, имею честь доложить его превосходительству, что я нахожусь в бедном положении, чувствую совершенную слабость в здоровье и тупое зрение в глазах, лишаящие меня средств к снискиванию себе пропитания собственными трудами. В сем положении имею нужду в помощи и осмеливаюсь просить от щедрот все милостивейшего г.и. к содержанию и пропитанию себя вспоможения» (л. 248). В декабре того же года вдове Дивовой было назначено единовременное пособие в 500 руб. ассигнациями. В марте следующего года было получено уведомление о вручении Дивовой «за вычетом на почтовую пересылку 492 руб. 52¹/₂ копеек с роспискою» (л. 249—268).

В октябре 1827 г. Потапов запросил московского генерал-губернатора о возрасте

сыновей В. И. Штейнгейля, включенного им в «первый разряд». После долгих розысков выяснилось, что 10-летний Николай в январе 1828 г. был принят в Горный корпус на собственный пансион вел. кн. Михаила Павловича и на казенное содержание до определения в Артиллерийский корпус, 13-летний Всеволод в сентябре 1827 г. поступил в Морской кадетский корпус в малолетнюю роту (л. 290—290 об.). 28 ноября 1827 г. Николай I распорядился дополнительно: «Вдове Штейнгейлевой делать такое же вспомоществование, как и Тизенгаузовой» (л. 227), т. е. по 500 руб. ежегодно. Но у Штейнгейля были еще два мальчика — четырех и двух лет, а так как по существующему правилу в кадетские корпуса принимались дети дворян не моложе восьми и не старше двенадцати лет, то исполнить царскую резолюцию — «детей в кадеты» — было затруднительно. И хотя Потапов установил, что ранее в I Кадетском корпусе имелось отделение для малолетних, в который определялись дети шести и даже трех лет от роду, тем не менее все же было принято решение отдать детей Штейнгейля в корпус «по достижении ими надлежащего возраста» (л. 298, 299), что и было впоследствии осуществлено.

Возник и вопрос о том, по чьему распоряжению были зачислены в учебные заведения старшие дети Штейнгейля. Дежурный генерал Морского штаба сообщил, что Всеволод был записан по всеподданнейшему прошению баронессы Штейнгейль кандидатом в Морской кадетский корпус по высочайшему повелению еще в феврале 1826 г. (царь запамятовал?) и затем включен в штат корпуса. Николай же поступил в Горный кадетский корпус по отношению придворной конторы вел. кн. Михаила Павловича от 5 декабря 1827 г. на полное его иждивение (л. 292—296). Все три дочери Штейнгейля также учились на казенный счет, а младшая из них, Людмила, вопреки правилу не принимать в одно светское учебное заведение более одного члена семьи, была зачислена пансионеркой Николая I в тот же Екатерининский институт, который закончила средняя из сестер, Надежда²⁹. Не исключено, что это стало возможным благодаря ходатайству перед царем начальника Канцелярии III Отделения А. Н. Мордвинова, с которым Штейнгейль сражался в рядах Петербургского ополчения в 1812 г. и которому он регулярно писал доверительные письма из ссылки, обращаясь и с различного рода просьбами³⁰. А может, такое внимание к семье бывшего барона объясняется репликой Николая I, оброненной им во время допроса Штейнгейля в январе 1826 г. В ответ на слова барона о том, что он «ни мыслями, ни чувствами не участвовал в революционных замыслах³¹; и мог ли участвовать, имея кучу детей!», государь прервал его: «Дети ничего не значат, твои дети будут мои дети!»³² И действительно, заботу о них он взял на себя³³. Вообще, надо сказать, что и его отношение к Штейнгейлю — автору, пожалуй, наиболее содержательного критического послания Николаю I из Петропавловской крепости, значительная часть которого была дословно включена в «Свод показаний членов злоумышленного Общества о внутреннем состоянии государства» и послужила впоследствии (как и весь «Свод») негласной основой для ряда преобразований, осуществленных в николаевское царствование, — было особым (возможно, именно в силу практической полезности предложенных им мер совершенствования социально-экономических и политических структур государства). Напомним в этой связи резолюцию Николая I от 27 декабря 1836 г. на докладе А. Х. Бенкендорфа о просьбе Штейнгейля перевести его в Ишим или другой ближайший к России город «для возможного утешения моего невинного, но не менее страждущего семейства». Для убедительности он добавил, что четверо его сыновей, «может быть, кровью запечатлеют верноподданническую благодарность»³⁴. Просил также Бенкендорфа исходатайствовать ему прощение в сердце государя. Резолюция растроганного, видимо, таким обращением царя была великодушной: «Согласен, давно в душе простил его и всех»³⁵. Конечно, можно и должно сомневаться в искренности заявления императора о прощении всех, ибо несколько ранее А. Ф. Бриген, просившийся из забытого Богом Пельма в «место поужнее», получил отказ самодержца: «Начали все проситься, надобно быть осторожным в согласии». И только спустя пять лет Бриген был переведен в

Курган, да и то лишь после рапорта начальника 7-го округа Корпуса жандармов Маслова о его серьезной болезни³⁶. Позднее, в июне 1853 г., на просьбу престарелой матери декабриста П. А. Муханова о разрешении сыну приехать в Москву или Московскую губернию, чтобы увидеть его перед смертью, царь также реагирует отнюдь не в духе всепрощения: «Согласен, ежели Закревский согласится, все-таки надо будет за ним строжайше смотреть, ибо я знал его скрытный характер, не заслуживающий никакого доверия, что и доказал»³⁷. Отрицательный ответ московского генерал-губернатора А. А. Закревского, конечно, был предопределен. Но в любом случае такие факты добавляют новые штрихи к характеристике неровных отношений Николая I к декабристам и к их семьям³⁸.

Судя по содержанию других резолюций, можно уверенно заключить, что Николай I, принимая решение об оказании помощи, сознательно делал различие между декабристами — «государственными преступниками» в его глазах — и их семьями.

Итак, всем, кому, согласно резолюциям Николая I, были назначены денежные пособия, они были вручены сполна (за удержанием незначительных почтовых расходов), о чем свидетельствуют расписки непосредственных получателей. Что касается резолюции царя «кажется я уже давал» относительно пособия матери К. П. Торсона, то, по сведениям петербургского обер-полицмейстера, она получила единовременное пособие из Кабинета е.и.в. в июне 1826 г. в размере 500 руб. и в августе 1827 г. еще 500 руб. (л. 254).

Но вот с вручением 500 руб., назначенных матери и жене Андрея Васильевича Ентальцева, вышла небольшая заминка, но не по вине чиновников-исполнителей. Генерал-губернатор П. В. Голенищев-Кутузов известил Потапова, что назначенные матери Ентальцева 250 руб. вручены ей «с роспискою», а жена же его, «как объявила мать его, отправилась отсель в марте месяце к мужу в Сибирь в деревню Четинский остров», почему он и возвращает остальные 250 руб. (л. 231). Потапов распорядился отправить их коменданту Нерчинских рудников С. Р. Лепарскому «для поступления с ними по правилам, существующим насчет выдачи денег женам, при преступниках находящимся» (л. 233), и уже в феврале 1828 г. последний рапортовал о получении денег.

Решение Николая I о выдаче пособия А. В. Ентальцевой также последовало в ответ на ее обращение к нему 5 марта 1827 г., подлинник которого сохранился в архиве:

«Ваше императорское величество! Всемилостивейший государь! С чувством полного упования на благость и человеколюбие твое, осмеливаюсь просить милостивого соизволения на отъезд мой к месту назначения моего мужа; но не имея способов существовать и предпринять сего пути, столь необходимого для моего спокойствия, дерзаю, государь, молить о пособии. Даруй мир душе растерзанной и огради от отчаяния. Всемилостивый монарх, с сладчайшею надеждою повергаю к стопам твоим верноподданническую просьбу и молю о благости.

Вашего императорского величества, всемилостивейшего государя верноподданная. Ентальцева»³⁹.

В связи с просьбой последовало распоряжение Дибича — «узнать о виновности мужа». Оказалось, что «винность» Ентальцева не была уж такой явной⁴⁰, что повидимому и повлияло на решение Николая I.

Не удалось сразу же вручить деньги и жене А. К. Берстеля. В декабре 1827 г. киевский военный генерал-губернатор П. Ф. Желтухин уведомил Потапова, что ввиду освобождения Берстеля из Бобруйской крепости и назначения его рядовым в 45-й Егерский полк жена его с детьми 21 августа отправилась в Бобруйск с тем, чтобы оттуда ехать в г. Або, где дислоцировался этот полк. А в середине декабря Мария Берстель сама явилась к Потапову со следующим письменным обращением:

* Так в тексте, вместо «Читинский острог» да еще с обозначением последнего как «деревня». Примечательно, что точно такое же написание фигурирует и в официальной бумаге Потапова.

«Ваше превосходительство! Милостивый государь!

Уведомила я, что г. и. всемилостивейше пожаловать соизволил мне в единовременное пособие <...> 500 руб. и высочайше повелел двух сыновей определить в корпус <...> желала бы поместить сыновей моих, старшего Николая 11 лет в Морской корпус и младшего Карла 6 лет в I Кадетский корпус. Сверх того остается у меня четыре дочери, из коих Елизавета 12 лет и Антуанета 8 лет требуют воспитания, которого я по совершенной моей бедности дать им не могу. Почему и осмеливаюсь утруждать Ваше превосходительство <...> просьбою о снисходительном Вашем ходатайстве в помещении их в учебные заведения под покровительством государыни императрицы состоящие, а всемилостивейше пожалованные мне деньги всепокорнейше прошу вытребовать обратно для выдачи мне» (л. 243 и об. Подлинник).

Приведем здесь и прошение М. Берстель, поданное ею лично Николаю I еще 8 ноября 1827 г. Особо интересна излагаемая М. Берстель версия о причастности ее мужа к событиям, а также описание несчастного своего положения: «...бедствие, постигшее мужа моего, повергло меня в жестокое страдание и соделало мое положение гибельным. Со времени ареста его в январе 1826 г. я с шестью малолетними детьми оставалась Киевской губ. в чужой деревне, среди неизвестных мне людей и без всяких средств к пропитанию.

Испуг и страх повергли меня в тяжкую болезнь. Одно человеколюбивое семейство помещика Гудим-Левковича спасло меня с детьми от голодной смерти: оно из сострадания к нам дало убежище, пропитание и средства к пользованию. Только теперь, получивши некоторое облегчение, увидела мужа моего и узнала от него гибельную неосторожность, сделавшую его виновным, но Ваше великое милосердие, Правосуднейший и Великодушнейший монарх, спасло его от конечной гибели.

Вашему императорскому величеству небезызвестно, что вся вина мужа моего состояла в том, что двое из преступников — Пестов и Борисов сказали ему, что они принадлежат к какому-то обществу, которое предпринимало переменить правление, но, зная его верноподданнейшие чувства и правила, они даже не смели уговаривать присоединиться к ним, а муж мой, считая слова их сущим бредом, пренебрег оными. Таким образом, он никогда не принадлежал к числу злоумышленников, не имел с ними никакого сношения и никогда не думал, чтобы в самом деле могло существовать столь безумное и прегнуснейшее скопище. Сие и верность долга своего оправдал он тем, что при первом известии о появлении мятежников он немедленно и даже прежде назначенного времени чрез большое расстояние явился с вверенными ему орудиями и командою в местечко Белую Церковь, предписал командирам прочих рот тотчас присоединиться к ближайшим полкам противу мятежников и, предваря земские суды, истребовал от оных нужное пособие.

За таковую быстроту действия и за меры, им принятые, получил он благодарность от корпусного командира; дальнейшие действия его противу злоумышленников равно доказали его верноподданнические чувства.

Среди самого бедствия несчастному семейству моему служит большим утешением то, что муж мой не причастен преступлению и что ни по правилам, ни по чувствам, ни по действиям своим не принадлежал и не мог принадлежать к числу злоумышленников, будучи всегда преисполнен благоволения, преданности и благодарности к монарху своему.

Государь всемилостивейший! Не осмеливаюсь просить о помиловании мужа моего. Прозорливость и правосудие монаршее не оставит отличить впавших в преступление по неосторожности от преступников, сделавшихся таковыми с намерением. Но, государь! Дерзаю умолять тебя о всемилостивейшем воззрении на участь шестерых малолетних сирот. Лишившись родителя, они лишились покровителя и остаются без воспитания. Прибегая с ними к милосердию Вашего величества всеподданнейше прошу определить старших из них в какие-либо

учебные заведения, а равно и обеспечить положение мое с малолетними сиротами, требующими еще материнского попечения.

Верноподданнейшая Мария Берстель, урожденная баронесса фон Инкоф» (л. 275—274).

Несмотря на царскую резолюцию относительно судьбы детей Берстеля, они и в конце января 1828 г. еще не были устроены. И только после «высочайшего повеления» от 31 января Николай и Карл были определены в кадетские корпуса (л. 287). В письме Дибича начальнику Канцелярии императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламову от 18 марта 1828 г. отчасти раскрываются мотивы неординарных действий императора: «...г. и., снисходя на просьбу жены государственного преступника Берстеля <...> обремененной многочисленным семейством и находящейся в крайне бедном состоянии, и в том внимании, что муж ее при исследовании о злоумышленных обществах оказался менее других виновным и вместо ссылки определен на службу рядовым, изъявил высочайшую волю — сыновей ее распределить по корпусам, а о дочерях, коих у нее четыре: Елизавета 12 лет, Антуанета 8 лет и две малолетних, высочайше повелеть соизволил просить Ваше превосходительство доложить г. и. Марии Федоровне, не благоугодно ли будет ее величеству определить их в девичье училище Военно-сиротского дома» (л. 302). В начале апреля две старшие дочери Берстеля были помещены в это училище (л. 307).

В последующем дежурный генерал Потапов ежегодно обращался с секретным запросом к министру императорского двора с просьбой подтвердить действительность царских резолюций относительно семей семерых декабристов — «можно давать не в виде пенсион, а просто ежегодно в виде вспомоществования» (л. 310 и др.; речь шла о женах Берстеля, Тизенгаузена, Штейнгейля, Ентальцева, а также о матерях Корниловича, Дивова, Щепина-Ростовского и Ентальцева). И, несмотря на то, что Потапов в одном из своих обращений счел нужным отметить, что «жена <...> Янтальцева, по собственному ее показанию, получала в Чите по 500 руб. в месяц, что самое показывает уже достаточное состояние», распоряжение императора осталось в силе — он не любил менять однажды принятых решений. И деньги исправно получали и Ентальцева в г. Березове, где она *была* на поселении с мужем, и Берстель, проживавшая то в Финляндии, по месту службы мужа, то в Могилеве, куда она выезжала к родственникам, то в Киевской губ., и Дивова, находившаяся в Уржумском уезде Вятской губ., куда она на время уезжала из Казани в 1831 г. и т. д. Каждый год из Кабинета е. и. в. на эти цели без промедления отпускались 3500 руб. Причем деньги передавались из рук в руки через полицмейстеров, приставов, а Щепиной-Ростовской — и лично Потаповым, как это имело место, например, в 1831 г. (л. 382). Делалось это в строго секретном порядке, и Потапов не уставал напоминать, что деньги выдавать нужно «без огласки» (л. 412 и др.), а вся переписка велась по закрытым каналам и круг посвященных в это дело был ограничен лицами, непосредственно им занятыми.

* * *

Каковы же мотивы, побудившие Николая I к такому *беспрецедентному* для российских государей шагу — оказанию материальной помощи и иного рода поддержки семьям своих *политических противников*? Первое, наиболее простое объяснение видится в том, что он сам к этому времени был отцом пятерых детей, и ему как человеку верующему не были чужды чувства сострадания, милосердия и великодушия. К этим именно чувствам взывали обращения к нему жен и матерей осужденных декабристов, искренне видевших в нем единственного защитника и спасителя. Не только Николай I, но и другие члены императорской фамилии, воспитанные в христианском духе, не чурались оказывать помощь нуждающимся семьям декабристов.

С другой стороны, вполне возможно, что Николай I не мог ставить знак равенства между декабристами — «государственными преступниками» и их

безвинными членами семей. К тому же он, видимо, не сомневался в том, что реакция на события 14 декабря той части общества, которая поспешила засвидетельствовать ему свою верноподданность, и есть мнение большинства, и, вероятно, был искренне убежден, что «все,— как он писал брату Константину 23 декабря 1825 г.,— усердно помогают мне в этой ужасной работе; отцы приводят ко мне своих сыновей, все желают показать пример и, главное, хотят видеть свои семьи очищенными от подобных личностей и даже от подозрений этого рода»⁴¹. Такие примеры действительно были, хотя далеко не многочисленные. Не случайно царь оставлял без ответа поступавшие на его имя прошения близких родственников декабристов с попытками *мотивированно* оправдать их поведение. Приведем два наиболее показательных в этом отношении прошения. Так, 15 декабря 1826 г. к нему обратилась А. Г. Муравьева, сестра осужденного по VII разряду Захара Чернышева:

«Всемиловитивейший государь!

Накануне разделения смерти с моим мужем и последнего прощания с детьми моими и с родиной, умоляю в. и. в. о выслушании последней просьбы моей. Ежели свидетельство обреченного на смерть существа может быть уважено, то я произношу клятву перед Богом, постигающим все тайны сердец и наказывающим клятвопреступников, что брат мой не более как за несколько месяцев до взятия его под стражу вступил в общество, что он был увлечен противу собственного убеждения своего. Сделанный над ним приговор, как громовой удар, поразил мужа моего, который знал о том, что он находился в совершенном неведении о действительной цели общества. Движимый собственным своим убеждением, а равно приверженностью к семейству своему, оставил сие общество и лишь одно ложное понятие о чести препятствовало ему совершенно удалиться от своих злополучных сообщников в такое время, в которое перемену его можно б было приписать к собственному его убеждению, а не другой какой-либо причине. В ужасной судьбе, убивающей меня, молю Бога о единственной отраде возбудить сострадание в сердце в. и. в. в пользу несчастного брата моего. Ибо он есть единая подпора немощного отца и умирающей матери и пяти сестер, едва вышедших из младенчества, но уже увядших от слез и печали.

Всемиловитивейший государь! Повергаясь к стопам Вашим, прибегаю к Вашей милости, ко всем священнейшим чувствованиям, для коих сердце Ваше не заперто, возри и помилуй брата моего, да испытает он следствие монаршего снисхождения, которое испытали уже столько людей, более его преступных, но, может быть, менее его простодушных и откровенных.

Предоставьте ему средства к исправлению своих заблуждений и таким образом пощадите его для горестного семейства, которое потеря его ведет ко гробу. Да принесу несчастной матери моей хотя малейший луч надежды, который уменьшил бы печаль нашего последнего свидания»⁴².

Содержание этого по-своему смелого обращения, его эмоциональный настрой ярко характеризуют суть этой самоотверженной женщины: «Отличительная черта в Александре Григорьевне,— писал о ней И. Д. Якушкин,— была теплота сердца, разливавшаяся почти независимо от нее самой на всех ее окружающих. Своих она любила страстно»⁴³.

16 января 1827 г. к Николаю I обращается и сам Захар Чернышев, все еще пребывавший в Петропавловской крепости.

«Ваше императорское величество, государь всемиловитивейший!

Угрызаемый глубоким и искренним раскаянием, и уповая на неограниченное великодушие *Ваше*, прибегаю к благодати *государя* и Отца. Не заточение мое, всемиловитивейший государь! Не все то, чего я лишился, обременяют меня, ибо я заслуживаю сие наказание, но невозможность доказать в. и. в. всю силу и искренность моего раскаяния, желание, которым сгораю загладить мое преступление сколько я в состоянии, вот, в. и. в., что тяготит мое сердце и лишает меня всякого

* Ее муж — Никита Михайлович Муравьев.

покая. Соизволите по благодати Вашей, *государь всемилостивейший!* испытать раскаяющегося верноподданного: повелите по окончании срока каторжной работы определить меня в рядовые, дабы я мог жертвовать жизнью моею, сопротивляясь врагам *в. и. в.* и кровию омыть мое преступление, которого ничто не может оправдать. Но Бога в свидетели призываю, *всемилостивейший государь!* что я по легкомыслию моему был в оное завлечен — вопреки моего желания. Совершенное мое бездействие в Обществе доказывает, сколь мало участвовал в его цели; о всех действиях оно имел весьма неясное понятие: сердце мое никогда не согласилось бы на злодейство. Если я об оном не донес, единственная причина тому, всемилостивейший государь! *была* та, что я не верил, чтоб оно могло когда-нибудь случиться, и почитал оное за самый безумный умысел. У ног *в. и. в.* испрашиваю *монаршию* сию милость. Примите уверение глубокого раскаяния беспредельной верноподданнической приверженности, *государь всемилостивейший!* *В. и. в.* верноподданного Захара Чернышева»⁴⁴.

Подобного рода обращения к Николаю I (а они далеко не единичны) дают основание не только по-новому взглянуть на характер взаимоотношений императора и родственников декабристов, но и внести известные поправки в существующие представления о составе тайных обществ, о конкретных воззрениях того или иного их участника, а не абстрактной группы лиц, объединенных под общим названием «декабристы», и о многом другом. В этой связи напрашиваются строки из написанной еще в 1919 г. и на долгие десятилетия упрятанной в архиве работы Г. В. Вернадского «Два лика декабристов»: «Что такое средний, рядовой участник тайного общества Александровской эпохи? В голове мелькают мысли о политической реформе или даже революции, он готов на всякое либеральное молодечество, не отстанет от товарищей — но он вовсе не профессиональный революционер. Следуя общей моде и увлечению, вступил он в тайное общество и после подписания клятвы сам смотрит на себя с горделивым недоумением; но общество, иногда много занимая места в его душе, все же мало значит в общем ходе его жизни. Как прежде, так и остался он после вступления в общество блестящий офицер, кутила и рубака, мастер выпить и во хмелю взболтнуть лишнее...»⁴⁵.

И еще один момент, пожалуй, сыграл немаловажную роль в том, чтобы подвинуть Николая I на оказание помощи семьям декабристов — четко выраженный патримониальный характер обращения к царю в поданных лично ему или через соответствующие инстанции прошениях. Все они адресованы Николаю I как высшему защитнику, что в полной мере отвечало и его собственным представлениям о долге и обязанностях самодержца — решение всех дел по личному усмотрению, по личной воле, наконец, по настроению. Об этой едва ли не самой типичной черте самовластного образа российского правления М. Н. Карамзин писал так: «У нас не Англия, мы столько веков видели судию в монархе и добрую волю его признавали вышним Уставом... В России государь есть живой закон: добрых милует, злых казнит и любовь первых приобретается страхом последних... В монархе российском соединяются все власти, наше правление есть отеческое, патриархальное»⁴⁶. Будучи глубоко убежденным в том, что «лучшая теория права есть добрая нравственность», Николай I и в деле оказания помощи семьям декабристов, равно как и в решении многих других дел, в том числе и государственного масштаба, руководствовался этим правилом. В противном случае, вникая в суть положения отдельных семей декабристов, трудно объяснить, почему к одним самодержец проявлял известную благосклонность, а о других, явно заслуживающих большего его участия, даже не задумывался (напрашивающееся объяснение о влиянии на решение царя их поведения на следствии содержанием имеющихся следственных материалов не подтверждается).

И последнее уточнение, касающееся взаимоотношений царя и семей декабристов. Представляется большой натяжкой расценивать решение жен декабристов следовать за своими мужьями в Сибирь не как «замечательный пример супружеской верности и самопожертвования» (Н. К. Шильдер)⁴⁷, а как своеобразную форму общественного протеста, смелый и осознанный «вызов обществу»,

правлящему режиму. Даже в вызванных естественным чувством человеческого сострадания проходах Марии Волконской в Сибирь, к мужу, с легкой руки М. В. Нечкиной, усматривается некий «элемент общественной демонстрации»⁴⁸. Такое стремление выдать желаемое за действительное легко опровергается содержанием не только известных «Записок М. Н. Волконской», но и многочисленных (в том числе и приведенных выше) обращений родственников декабристов к царю и особенно письмом самой М. Н. Волконской Николаю I от 15 декабря 1826 г., не оставленным им без ответа. Письмо Николая I приводится Волконской в ее «Записках» как свидетельство монаршей милости к ней, о своем же она только упоминает: «...написала письмо государю, прося разрешение следовать за мужем. Я особенно опиралась на участие, которое его величество оказывал к женам сосланных, и просила его завершить свой милости разрешением мне отъезда»⁴⁹. Вот это письмо:

«Всемилоостивейший государь!

У ног Ваших благодарю Вас, государь, за уведомление о предстоящих для меня опасностях по ту сторону Иркутска. Дерзаю уверить в. и. в., что я бесстрашно подвергаюсь всем превратностям, неразлучным с пребыванием моим в одном месте с мужем. Государь, намерение мое не есть действие минутной возвышенности чувств, но следствие обдуманного расположения мыслей, убедивших меня, что не найду успокоения, доколе не утешу супруга. Благоденствие даже моего сына побуждает меня поспешить отъездом, ибо ни на что не могу быть для него полезной в настоящем положении моего духа. Простите, государь, что осмелилась писать к в. и. в. Сердце мое спешило излиться в благодарности перед Вами.

Княгиня Мария Волконская, урожденная Раевская»⁵⁰.

Невозможно заподозрить 21-летнюю дочь прославленного генерала Н. Н. Раевского, свято оберегавшую фамильную честь, в неискренности, фальши в выражении своих чувств благодарности царю.

Заметим, что 25 лет спустя после декабрьских событий (в 1851 г.) Николай I, вспоминая о решении жен декабристов ехать в Сибирь, в частном разговоре сказал буквально следующее: «Это было проявлением самопожертвования, преданности, достойное уважения тем более, что так часто можно было видеть обратное»⁵¹.

* * *

Таким образом, как свидетельствуют архивные документы, примерно двум десяткам семей декабристов императором Николаем I была оказана реальная помощь. Одним из них—единовременными и ежегодными денежными пособиями, другим — содействием в устройстве малолетних детей в престижные учебные заведения, что гарантировало им в дальнейшем относительно благополучное продвижение по общественной лестнице, третьим — и деньгами, и устройством детей. Все это делалось не только без огласки, но в строго секретном порядке, и потому царя нельзя заподозрить в стремлении рядиться в тогу правителя сурового, но справедливого и великодушного.

В данной публикации представлены факты, которые, как известно, есть исходный материал для оценки любого исторического явления, любой исторической личности. Чем полнее совокупность фактов, тем многограннее и полнокровнее вырисовывается перед нами то или иное событие прошлого, та или иная историческая фигура. Думается, материал, изложенный здесь, не только добавляет новые штрихи к портрету Николая I, но и еще раз показывает, что рамки, в которые историки по тем или иным причинам (в том числе и сугубо конъюнктурным) порой заключают какое-либо историческое явление, оказываются для него тесными.

Примечания

- ¹ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925. С. 3.
- ² См.: Щеголев П. Е. Император Николай I — тюремщик декабристов//Щеголев П. Е. Декабристы. М.; Л., 1926. С. 261—276.
- ³ Н. И. Лорер так описывает свою встречу с императором, к которому он был приведен на допрос: «С другого конца длинной залы шел государь в Измайловском сюртуке, застегнутом на все крючки и пуговицы. Лицо его было бледно, волосы взъерошены... Никогда не удавалось мне его видеть таким безобразным». Последовавший за этим рваный диалог содержал и такую фразу монарха: ««Чернышев вас долго убеждал сознаться во всем, что вы знаете и должны знать, а вы все *финтили*. У вас нет чести, милостивый государь». Тут я невольно вздрогнул,— продолжает Лорер,— у меня захватило дыхание, и я невольно проговорил: *«Я в первый раз слышу это слово, государь...»* Государь сейчас опомнился и уж гораздо мягче продолжал...» (Лорер Н. И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 88—89).
- ⁴ В этой связи см.: Поджио А. В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 98—99, 117; Штейнгейль В. И. Сочинения и письма: Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985. С. 165—167. Историко-психологический анализ феномена поведения декабристов на следствии см.: Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) //Литературное наследие декабристов. Л., 1975.
- ⁵ Пресняков А. Е. Указ. соч. С. 22.
- ⁶ Действительно, первое время никакие препятствия женам декабристов ехать в Сибирь не чинились. Об этом свидетельствует письмо А. Х. Бенкендорфа жене И. Д. Якушкина, Анастасии Васильевне, от 27 ноября 1832 г. «Государь император,— пишет он,— по всеподданнейшему моему докладу о желании вашем отправиться в Сибирь к вашему мужу высочайше повелел мне уведомить вас, что сначала дозволено было всем женам государственных преступников следовать в Сибирь за своими мужьями, но как сим дозволением вы в свое время не воспользовались, то и не можете оно ныне получить, ибо вы нужны теперь для ваших детей и должны пожертвовать желанием видеться с вашим мужем» (ГАРФ, ф. 109, 1 эксп., 1826 г., оп. 1, д. 61, ч. 56, л. 18). А. В. Якушкина действительно не сумела воспользоваться выхлопотанным в 1827 г. ее матерью Н. Н. Шереметевой через В. А. Жуковского и И. И. Дибича «высочайшим позволением ехать ее дочери к мужу с детьми» из-за болезни младшего сына, Евгения. В ответ на ее вторичное обращение по тому же поводу последовало приведенное выше письмо Бенкендорфа, который знал о том, что ближайшие родственники Якушкиной противятся этому ее намерению (подробнее см.: Якушкин И. Д. Мемуары. Статьи. Документы. Иркутск, 1993. С. 164—165, 349—350, 381—382). Кроме того, сам И. Д. Якушкин, узнав, что жена не может взять с собой детей, решительно воспротивился ее желанию, что явствует из письма ее к нему, написанному в конце 1827 г.: «Вчера я была у Ф[он] В[изинной]; она скоро едет. Как я завидую ее судьбе. Она соединится с человеком, которого, может быть, и не любит, а я лишена возможности видеть тебя, кто один только составляет мое счастье. И ты сам захотел этого. Подумай немного, неправда ли, это черта некоторого деспотизма; ты должен был мне предоставить выбор и немного подумать о своей бедной жене, которая любит тебя в миллион раз больше, чем когда-либо раньше» (Дневник Анастасии Васильевны Якушкиной//Новый мир. 1964. № 12. С. 145. См. также: Якушкин И. Д. Несостоявшаяся поездка А. В. Якушкиной в Сибирь//Там же. С. 152—159; Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 164—165).
- ⁷ См.: Щеголев П. Е. Жены декабристов и вопрос об их юридических правах//Щеголев П. Е. Исторические этюды. СПб., 1913. С. 395—441.
- ⁸ См. подробнее: Павлюченко Э. А. В добровольном изгнании. О женах и сестрах декабристов. М., 1980.
- ⁹ См.: Шильдер Н. К. Император Николай Первый. Его жизнь и царствование. Т. 1—2. СПб., 1903.
- ¹⁰ Чернов С. Н. Имущественное положение декабристов//Красный архив. 1926. Т. 2 (15). С. 164—213.
- ¹¹ Декабристы: Биографический справочник/Изд. подг. С. В. Мироненко. М., 1988.
- ¹² Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 1. С. 315.
- ¹³ РГВИА, ф. 35, оп. 9, 1826 г., д. 106, л. 1 (далее ссылки на это дело в тексте).
- ¹⁴ Чернов С. Н. Указ. соч. С. 164—165.
- ¹⁵ ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 315, л. 304—350.
- ¹⁶ Позже властям удалось разыскать его двоюродного брата, титулярного советника Михаила Григорьевича Шахирева, служившего в конторе Кронштадтского порта бухгалтером с 1000-рублевым годовым окладом, а также двоюродную сестру его, Прасковью, бывшую замужем за капитан-лейтенантом Остолоповым. Им и были переданы оставшиеся после скорострительной смерти А. И. Шахирева (17.05.1828 г.) в Сургуте 435 руб. асс. и 4 руб. 90 коп. серебром, простой нагольный тулуп, бронзовая браслетка, кенфи, теплая шапка и рубаха (л. 308—309).
- ¹⁷ Тепло о генерале А. И. Потапове отзывается И. Д. Якушкин, отмечая, что его жена с детьми и теща, получив разрешение увидеться с ним в Ярославле (по пути следования в Сибирь), не знали, когда именно он будет проезжать через город. Потапов же, по служебным своим обязанностям осведомленный о выделении фельдъегерей для сопровождения арестантов, своевременно извещал о том тещу Якушкина, благодаря чему и состоялось их 7-часовое свидание (Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 164).
- ¹⁸ На решение царя, видимо, оказало влияние обращение к нему отца братьев Борисовых. В прошении, поданном И. А. Борисовым 15 июля 1827 г. (доложено 29 июля), тот писал, что находился на службе аж с 1777 г., когда поступил в Морской шляхетский кадетский корпус, в 1804 г. по состоянию здоровья вышел в отставку с 200-рублевым годовым пенсионом. «Напрягая последние силы,— писал он,— изучил (так в тексте.— *М. Р.*) сам двух старших сыновей нужным наукам, определил в службу <...>

по артиллерии, надеясь иметь от них пособие при старости <...> [ныне] я остался с двумя дочерьми, сыном и немощною женою в самом плачевном и бедном положении <...> я, преклонный летами и убитый преступлением детей моих, стою уже у гроба: после меня семейство мое останется без пристанища и хлеба...» (л. 65—66).

¹⁹ В поданном 15 июня 1827 г. прошении Николаю I (доложено 19 июня) жена В. К. Тизенгаузена (проживала в г. Нарве) в совершеннейшей растерянности и потому, видимо, чрезмерно сухо пишет, что постигшее ее несчастье столь очевидно, что она считает излишним «оное описывать, но ежедневно увеличивающаяся крайность ее положения вынуждает ее просить о назначении ей содержания и принять двух сыновей 3 и 5 лет и дочери 2 лет в казенные заведения (в Царскосельский лицей или другой кадетский корпус)» (л. 59—60). Однако дети по возрасту не могли быть помещены тотчас в учебные заведения, а проявлению заботы о дальнейшей их судьбе, как это было в других случаях, императору, возможно, помешала официальная тональность обращения, вызванного лишь вынужденными обстоятельствами, на что указывает сама просительница.

²⁰ По другим данным, в момент ареста у него было 8 детей, еще две дочери к 1825 г. умерли в младенчестве. — См.: Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. С. 486. Примеч. 181.

²¹ Кроме названных здесь лиц в состав «первого разряда» Потаповым были включены семьи П. В. Аврамова, А. П. и П. П. Беляевых (вдовствующая их мать получала пенсию за мужа 300 руб. в год и от императрицы Марии Федоровны ежегодно же по 330 руб. — л. 170), Ф. Г. Вишневого, Д. И. Завалишина, В. Н. Лихарева, Ю. К. Люблинского, П. Д. Мазгана (Мозгана), П. И. Пестеля, А. В. Поджио, И. В. Поджио, А. Е. Розена, П. И. Фаленберга, А. Ф. Фролова. Прошений от родных и близких перечисленных лиц на имя царя об оказании им материальной помощи не обнаружено.

²² В этот разряд входили также семьи И. Б. Аврамова и И. И. Горбачевского. Отец последнего, состоявший под судом с 1818 г. за упущения по службе при подряде на закупку провианта, в 1827 г. просил через генерал-губернатора о восстановлении на службе в Витебской уголовной палате (л. 174). Результат обращения неизвестен.

²³ Вероятно, имеется в виду вел. кн. Михаил Павлович. Других лиц в ближайшем окружении Николая I с такими инициалами, кажется, не было.

²⁴ «Пятый разряд» включал также семьи Я. М. Андреевича, Н. Р. Цебрикова, А. Н. Сутгофа, И. Д. Якушкина (о семье последнего с указанием, что жена и ближайшие ее родственники состояния хорошего, а мать живет в бедности у своего зятя, «обремененного семейством» /9 детей/ и 30-тысячным долгом) (л. 176).

²⁵ Представление о реальной величине назначаемого «вспомоществования» дает один из пунктов «Устава артели» декабристов: «сумма из пятисот рублей ассигнациями была принята за необходимую на полное годовое содержание» (Басаргин Н. В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 155). Приведем и среднегодовые цены на основные виды провизии, например, в Саратовской губ. в середине 20-х гг. XIX в.: мука ржаная, 9-пудовый куль — 4 руб. 38 коп. асс.; мука пшеничная, четверть в 7 пуд. 10 фунтов — 4 руб.; крупа гречневая, четверть — 10 руб. 90 коп.; мясо, пуд — 2 руб. 50 коп. (РГВИА, ф. 35, оп. 4/245, д. 545, л. 182—213). В столичных губерниях цены были выше примерно на 10—15%. Что же касается цен на товары в Енисейске, как свидетельствует в 1834 г. живший здесь на поселении М. А. Фонвизин, они были на 12—15% дешевле, чем в Европейской России. Хлеб «пшеничной хорошей муки» — 80 коп. пуд, ржаной — 55 коп., пуд говядины — 3 руб. 50 коп. «Рыбы же всякой, особенно стерляди, было в изобилии» (Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма. Иркутск, 1979. С. 141). О поразившей его дешевизне в Сибири в январе 1828 г. писал своему отцу И. И. Пущин: по пути из Тобольска в Иркутск «мы <...> ели превосходную уху из стерлядей или осетрины, которые здесь ничего не стоят; словом сказать, на 50 коп. мы жили и будем жить весьма роскошно. Говядина от 2 до 5 коп. фунт, хлеб превосходный и на грош два дни будешь сыт» (РГВИА, ф. 36, оп. 6/849, св. 44, д. 21, л. 38).

²⁶ ГАРФ, ф. 48, оп. 1, д. 315, л. 258 об.

²⁷ Трудно допустить, чтобы Николай I смог забыть о «неистовствах» Д. А. Щепина-Ростовского, нанесшего сабельные ранения бригадному командиру В. Н. Шеншину, полковому — П. А. Фредериксу, полковнику П. К. Хвоцинскому и двум унтер-офицерам, препятствовавшим выводу солдат на Сенатскую площадь.

²⁸ Это место вызвало вопрос Дибича: «Где служит по квартирмейстерской части Корнилович?» Потапов срочно запросил об этом генерал-квартирмейстера П. П. Сухтелена. Как оказалось, брат «известного государственного преступника» служит в корпусе топографов штабс-капитаном и находится при Главной квартире 2-й армии, а фамилия его Безкорнилович, настоящая же фамилия братьев — Бескорнилович. Как сообщил Сухтелен, старший брат Александра, Михаил, был переведен в корпус топографов из артиллерии и «в высочайшем приказе назван Безкорниловичем, почему и ныне показывается в списках» под такой фамилией: Тогда уже заинтересовались тем, как А. О. Корнилович «назывался при вступлении в службу и с которого времени переменял фамилию». Но выяснилось, что так он именовался и при вступлении на службу в январе 1816 г. (л. 46—49).

²⁹ Штейнгейль В. И. Указ. соч. С. 240, 518.

³⁰ В начале 1839 г. А. Н. Мордвинов был уволен из-за известной истории с появлением (считается, что по его оплошности) статьи об А. А. Бестужева-Марлинском и его портрета в альманахе «Сто русских литераторов» (Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб., 1909. С. 119—120).

³¹ Штейнгейль В. И. Указ. соч. С. 135.

³² Не исключено, что на устройстве судьбы детей сказались и усилия адмирала П. И. Рикорда, о котором Штейнгейль в посвященной его памяти статье писал следующее: «...во время самого ужасного кризиса моей жизни (после ареста в 1826 г. — М. Р.) рука Петра Ивановича не дрогнула написать ко мне

официальную записку: «Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их» (цит. по: Тридечный. Замечания старого моряка//Морской сборник. 1856. № 12. Отд. IV. С. 1).

³³ См. подробнее: Штейнгейль В. И. Указ. соч. С. 208—226 и примеч.

³⁴ Там же. С. 238—239, 517—518.

³⁵ Щеголев П. Е. Из резолюций имп. Николая I о декабристах//Голос минувшего. 1913. № 11. С. 194. Надомним и о вскоре последовавшей очередной милости императора: Штейнгейль по его просьбе в марте 1840 г. был переведен из Ишима, где, по его словам, «решительно» нет для него «покойного приюта», в Тобольск — для большего «удобства заниматься науками». Однако последующие события показали, сколь переменчива бывает милость неограниченных монархов: Штейнгейль по ложному представлению местного начальства о его якобы влиянии на управление губернией, с согласия (и одобрения) Николая I был переведен в г. Тару. В дальнейшем отклонялись все его просьбы об обратном переводе в Тобольск или Тюмень, поскольку он «дозволял себе неприличные ему рассуждения и вмешательство в дела, до него не касающиеся» (Штейнгейль В. И. Указ. соч. С. 139, 242—245, 519-521).

³⁶ Бриген А. Ф. Письма. Исторические произведения. Иркутск, 1986. С. 52.

³⁷ Цит. по: Муханов П. А. Сочинения, письма. Иркутск, 1991. С. 49—50. Кажется, Николай I имел основания для такого мнения — см. предисловие Г. В. Чагина и В. А. Федорова к названной книге.

³⁸ Точно и неукоснительно исполнялись и прочие царские резолюции: Потапов срочно просит витебского, могилевского, смоленского и калужского генерал-губернатора князя Хованского уведомить его о том, «в живых ли находится жительствующая в Смоленской губ. статская советница Юстинья Глинкина» (л. 181). Хованский сообщил, что проживающая в сельце Закупе Юстинья Карловна Глинкина жива и это «удостоверение он основывает на том, что она, Глинкина, не более недели как была в г. Смоленске» (л. 194). Тем самым необходимость выделения денежного пособия Глинкиной отпала.

³⁹ РГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 29, 1827 г., д. 7, л. 12.

⁴⁰ Там же, л. 13—13 об.

⁴¹ Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в переписке и мемуарах членов царской семьи. М., Л., 1896. С. 168. С большой долей вероятности можно утверждать, что Николай I намеренно не замечал иного рода проявлений отношения к судьбам декабристов со стороны дворянства: резко отрицательного и к судебному фарсу над ними, и к факту казни «наиглавнейших» из них. По донесениям секретного агента, осуждающие оценки среди дворянства по поводу казни «были слышны повсюду». При этом агент «особливо» выделяет «жен, сестер, матерей, родственниц, приятельниц <...> сто двадцати одного преступника» (Декабристы. Неизданные материалы и статьи/Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925. С. 39). Вот одно из свидетельств той поры. Княгиня Е. А. Шаховская (сестра жены А. Н. Муравьева) пишет в своих дневниках: «Невозможно опомниться от того, что приходится слышать о жестокости, злоупотреблениях, бессовестности в Следственной комиссии, Сенат тоже вел себя восхитительно, и, наконец, его величество. Куда же, наконец, скрылось правосудие? Во всяком случае его не слышно в приговоре, вынесенном нашим несчастным узникам» (Дневник кн. Е. А. Шаховской. 1826—1827 гг./Голос минувшего. М., 1920—1921. С. 108).

⁴² РГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 16, 1827 г., д. 98, л. 28—28 об. (подлинник на фр. яз.), л. 29—30 об. (перевод).

⁴³ Якушкин И. Д. Указ. соч. С. 211.

⁴⁴ РГВИА, ф. 36, оп. 5/848, св. 29, 1827 г., д. 7, л. 6—7 об. Выделенное курсивом в подлиннике написано прописными буквами.

⁴⁵ См.: Свободная мысль. 1993. № 15. С. 91.

⁴⁶ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. СПб., 1914. С. 122.

⁴⁷ Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 1. С. 458. См. в этой связи письмо М. А. Фонвизина к своей жене от 5 декабря 1826 г.: «Ежели бы я только мог увериться, что ты, расставшись со мною навек, можешь быть еще ежели не совсем счастлива, но по крайней мере, спокойна, я бы всячески препятствовал твоему великодушному намерению. Но твое сердце слишком привязано к другу твоему, и я знаю, что совершенная и вечная разлука со мною для тебя будет бедствие» (Фонвизин М. А. Сочинения и письма. Т. 1. Дневник и письма. С. 127).

⁴⁸ Нечкина М. В. Движение декабристов. Т. II. М., 1955. С. 433. Такой взгляд полностью разделяет и Э. И. Павлюченко в названной выше работе.

⁴⁹ Записки М. Н. Волконской. М., 1977. С. 22.

⁵⁰ РГВИА, ф. 36, оп. 4/847, св. 16, 1827 г., д. 98, л. 40—41 (подлинник на фр. яз.), л. 43 (перевод).

⁵¹ Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. Т. 1 С. 458.